

Юрий
БОРОДКИН
г. Ярославль

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

* * *

В «Повести временных лет» сказано о том, как Ольга отправилась к Новгороду и установила на своём пути погосты и дани, и «сохранились по всей земле её места и погосты». Из этого сообщения ясно, что первоначальное значение слова «погост» было более верным, нежели позднейшее, и шло оно от «погостить» (в том числе в значении – побывать где-то на стоянке). Погостами называли также места, где происходила меновая торговля, где останавливались приезжие (приплывшие) купцы. Раскладывали на берегу реки товар и обменивались им без посредства денег.

* * *

Митрополит Дмитрий Ростовский писал: «...той же народ (Славяне,) расширився на странах полуножных, восточных, полуденных и западных, прочих всех силою, мужеством и храбростью превзыде, страшен и славен всему свету бысть, яко вси древнии и достовернии летописцы свидетельствуют, и от славных дел своих, наипаче же воинских, Славянами или Славными зватися начаша».

Об этом же говорит Ипполит Богданович (1743 – 1803), считавший, что Слава была в древности особым божеством славян, которые от неё заимствовали своё имя. Был город Славенск неподалёку от Новгорода. «Предки славян во всех полагаемых их происхождениях отли-

чались всегда люблением Славы и твёрдыми обычаями, кои служили им вместо законов... Владетели разных племён придавали к собственным именам своим однозначущия окончания и назывались Святославы, Изяславы, Владиславы, Премиславы, Венцеславы, Мечиславы и проч. Тоже видно в свойственных сему народу припевах, каковы доньше слышатся в остатках некоторых древних славянских песней, в коих припеваются всегда «слава».

* * *

О значении Владимира (княжества и города) говорит тот факт, что даже в 1612 году в грамотах Пожарского и других деятелей писалось: «На Владимирс-

Благодаря этому я жил в деревне, населённой моими героями, похожими на афонинцев, которых я знал. Вместе с ними я работал, страдал в военное лихолетье, веселился в праздники и пр., то есть прожил жизнью каждого из них. Какое тут может быть одиночество! Хотя И.Бунин считал, что жизнь писателя есть отречение от жизни в том смысле, что, сидя за письменным столом, как бы теряешь контакт с окружающим.

Теперь ситуация другая. Летом тоже много времени провожу в деревне, но совсем ничего не пишу: хочется пожить обычной жизнью. Также часто остаюсь один в доме, но в старости одиночество переносится легко. Утешаешься мыслью, что всё, что мог, совершил. На всё смотришь спокойней, созерцательней, и ничего нет дороже, чем общение с природой: можно поработать в саду, посидеть на лавочке, наблюдая деревенскую жизнь, пройтись луговиной к речке, насмотреться красоты земной как бы впрок (ведь там всего этого не будет).

*Мы всё хлопочем,
всё хлопочем,
Оглянемся – напрасный труд.
Не лучше ль было,
между прочим,
Хоть в старости немного
отдохнуть?*

И то сказать, какой прок в нынешнем сочинительстве? Издавать книги за свой счёт ничтожным тиражом нет никакого смысла. В буржуазном обществе не до книг, идёт борьба за выживание, а главное, нет востребованности литературного творчества со стороны власть имущих. О каких художествах может идти речь, если впору подсчитывать торговые балансы да астрономические убытки от кризисного цунами?

Нет, одиночества в деревне я не чувствую даже в бездейтельное для творчества время. Природа – лучший лекарь души. Приходят хорошие мысли, хотя и овеванные понятной грустью, но всё же это – прекрасные мгновения полной независимости. Не зря же старцы уходили в леса, обособлялись там в скромных пустыньках, предавались

размышлениям, набираясь мудрости уже не от людей, а от природы и небес.

Вот почему по этому поводу А.Шопенгауэр говорит: «Кто не любит одиночества, тот не любит свободы».

* * *

На поучение не только пишущим людям завершу эту тетрадь замечательным высказыванием И.Тургенева: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас не может без неё обойтись. Горе тому, кто это думает; двойное горе тому, кто действительно без неё обходится. Космополитизм – чепуха. Космополитизм – нуль, хуже нуля. Вне народности нет ни художества, ни истины, ни жизни».

Воистину так.

Юрий Серафимович БОРОДКИН

родился в 1937 г. в Нижнем Новгороде.

Окончил Литературный институт.

Автор книг прозы:

«Ветры над яром» (1966), «Рябиновые бусы» (1968),

«Запретная любовь» (1971), «Каменная грива» (1972),

«Ночлег в Журавлихе» (1973), «Санькино лето» (1976), «Запах вербы» (1986),

«Земля заветная» (1987), «Поклонись роднику» (1989) и мн. др.

Его роман «Кологривский волок»

отмечен первой премией ВЦСПС и Союза писателей СССР.

Более двадцати лет возглавлял

Ярославскую областную писательскую организацию.

Дважды выходили его «Избранные произведения».

Избран членом Высшего творческого совета Союза писателей России.

Живет в Ярославле.

